

УДК 343.985

ББК 67.522

Тактические основы использования сторонами обвинения и защиты криминалистических исследований крови в суде с участием присяжных заседателей

А.Е. Хорошева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Tactical Bases of Using by the Prosecution and Defense of Criminalistic Testing of Blood in the Jury Trial

A.E. Khorosheva

Altai State University (Barnaul, Russia)

Известно, что геномные экспертизы претендуют сегодня на звание «золотого стандарта» в доказывании насильственных преступлений против личности. Однако по ряду наиболее сложных уголовных дел одно место с ними занимают криминалистические (трасологические) исследования механизма образования следов крови.

В отдельных случаях заключения таких экспертиз имеют осязаемое преимущество перед исследованиями, полученными при применении ДНК-анализа, в который раз подчеркивая превалирование значения искусства владения основами судебной тактики перед достижениями научно-технического прогресса, особенно в таких социальных системах, как «человек — человек». Показательными в этой связи являются судебные процессы, проводимые с участием присяжных заседателей.

Настоящая статья представляет собой первую часть работы, посвященной анализу тактико-криминалистических особенностей применения в доказывании в суде присяжных исследований крови. Используемый автором проблемный ракурс учения о состязательной экспертизе позволяет осветить данную тему в разных аспектах: проблемы ограничения активности обвинения и защиты в условиях действия т.н. процессуальных «фильтров», особенностей интерпретации экспертных заключений, представления присяжным заседателям «шокирующих» доказательств.

В статье предложены рекомендации, адресованные профессиональным участникам процесса, по работе с заключениями технико-криминалистических экспертиз по крови.

Ключевые слова: суд присяжных, состязательность, доказательства, заключение эксперта, криминалистические исследования крови.

It is known that genomic examinations today claim to be the "gold standard" in proving violent crimes against individuals. However, for a number of the most complex criminal cases of crimes against a person, one place with them is taken by forensic (tracological) studies of the mechanism of the formation of blood traces.

In some cases, the conclusions of such examinations have a tangible advantage over DNA analysis, again emphasizing the importance of the art of mastering the basics of judicial tactics before the achievements of scientific and technological progress, especially in such social systems as "person — person." Representative in this regard are the trials conducted with the participation of jurors.

In this article the first part of the work is devoted to the analysis of tactical and forensic features of the use in proving in jury trial of blood tests. The problematic perspective of the study on adversarial expertise used by the author makes it possible to cover this topic in various aspects: problems of limiting the activity of accusation and defense under the conditions of the so-called procedural "filters", features of interpretation of expert opinions, presentation of "shocking" evidence to jurors.

The article suggests recommendations addressed to professional participants in the process, on the work with the conclusions of technical and forensic blood tests.

Key words: jury, evidence, expert opinion, forensic blood tests.

Вовлекаясь в проблематику состязательной экспертизы, концепция которой выступает лейтмотивом настоящего исследования, мы не можем не признать, что вопрос смыслового наполнения понятия «состязательность» в современном уголовном процессе окончательно не решен. Примером этого служат различные монографии, которые являются своеобразной площадкой для дискуссий среди ученых и практиков, порой не всегда совпадающих во мнениях по поводу уместности существования в российском уголовном судопроизводстве института состязательности [1]. Так же, впрочем, как и не разработаны на должном уровне критерии и стандарты состязательной экспертизы, что является существенным пробелом в теории доказательственного права [2].

В последние годы можно наблюдать тенденцию своеобразной девальвации ценностного значения состязательности, умаления ее роли в качестве гарантии справедливого правосудия. Например, в научной литературе сегодня можно встретить такие высказывания: «Принцип состязательности, в конечном счете, может сводиться и нередко сводится не к установлению истины, а к победе в этом состязательном процессе той стороны, которая оказывается более изворотливой, изощренной. Убедительность доказывания можно создать за счет приемов эмоционального порядка, передегивания фактов, замалчивания существенных обстоятельств, придания впечатления решающих доказательств тем фактическим сведениям, которые такой силой не обладают» [3, с. 97].

Однако вопрос о том, вредна состязательность или полезна, может оставаться закрытым: законодатель отнес ее к базовым принципам уголовного судопроизводства. Смысл, который вкладывается в это понятие, — проблема скорее идеологического порядка.

Возводя во главу угла типологию состязательного процесса как единственно разумный постулат о справедливом правосудии, нельзя не признать, что в процессуальном конфликте одновременно задействованы все механизмы для его разрешения, в том числе и полуправовые, а иногда и нелегальные вовсе. Итог — формирование в уголовном деле источников недостоверной информации. И в этом смысле практика суда с участием присяжных заседателей является своего рода индикатором, лакмусовой бумажкой, способной реагировать на любые противоречия, затрудняющие постижение нормального хода вещей. Но возможно, что та недостоверная информация, которая свободно циркулирует в пространстве уголовного судопроизводства, может не выступать результатом злонамеренных действий заинтересованных лиц, а явиться следствием разного рода ошибок (процессуальных, логических, речевых и др.; следственных, судебных, экспертных и пр.). Значительная их часть лежит в сфере использования в доказывании познаний сведущих лиц, которые не только содействуют сторонам в до-

казывании обстоятельств дела, но и принимают опосредованное и прямое участие в формулировании весомых доводов, впоследствии положенных в основу судебной аргументации. Нередко именно судебным экспертизам отводится ведущая роль в формировании у присяжных заседателей внутреннего убеждения, которое находит отражение в их вердиктах.

Осуществляемый автором статьи на протяжении десяти лет анализ практики судопроизводства с участием присяжных заседателей позволил зафиксировать следующую картину, характерную для значительного количества регионов РФ. В год в суде среднего звена с присяжными заседателями рассматривается не более 10–15 уголовных дел. Например, всего в 2012 г. в Алтайском краевом суде было осуждено 135 лиц, оправдано — пять. Для сравнения: в 2011 г. осуждено 107 лиц, оправдано — восемь. Из общего числа рассмотренных в 2012 г. дел судом с участием присяжных заседателей окончено производством с вынесением приговоров 12 уголовных дел в отношении 28 лиц, что составило 11,53% от общего числа рассмотренных с вынесением приговоров дел; при этом в отношении 23 лиц вынесены обвинительные приговоры, пять лиц оправдано [4].

Проводя анализ статистических данных, несложно заметить, что все оправдательные приговоры, постановленные в Алтайском краевом суде в 2012 г., явились итогом рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей.

В 2015 г. на основании вердиктов присяжных заседателей Алтайским краевым судом было осуждено 36 лиц, а оправдано — четыре. В 2016 г. всего осуждено 12 подсудимых, оправдано — четыре [5].

Общая цифра по стране не превышает показатель в тысячу уголовных дел. Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ всего в производстве судов в 2014 г. по состоянию на 31 декабря находилось 492 дела с участием присяжных заседателей (оконченных производством и оставшихся на рассмотрении), что на 41% меньше, чем на аналогичную дату предыдущего года (на 31.12.2013 — 833 дела). В 2016 г. количество окончанных производством и оставшихся на рассмотрение судам с участием присяжных заседателей уголовных дел снизилось до 379, тогда как в 2015 г. данный показатель равнялся 387 делам [6].

Таким образом, анализ статистических показателей позволяет зафиксировать тенденцию к фактическому сокращению количества уголовных дел, рассмотренных судами с участием присяжных заседателей. Данному явлению имеется несколько объяснений. Сейчас основную массу уголовных дел, о рассмотрении которых с присяжными заседателями ходатайствуют обвиняемые, составляют квалифицированные убийства, реже — незаконный сбыт наркотических средств. До принятия законов, ограничивающих под-

судность уголовных дел присяжным заседателям, данную форму отправления правосудия «заказывали» обвиняемые в квалифицированных убийствах и изнасилованиях, взяточничестве и террористических актах. Сегодня часть из этих составов из подсудности суда присяжных исключена. Данное негативное обстоятельство сегодня не остается без внимания ученых-процессуалистов, отмечающих: «За последние годы устойчивой тенденцией стало сокращение и без того небольшого количества дел, подсудных присяжным. Так, изначально на 1 июля 2002 года этому суду было подсудно 48 составов преступлений. Уже в 2008 году из компетенции суда присяжных изымаются и передаются коллегии из трех профессиональных судей целый ряд политических преступлений (терроризм, захват заложников, создание незаконного вооруженного формирования, организация массовых беспорядков, государственная измена, шпионаж, насильственный захват власти, вооруженный мятеж и др.), а в 2013 году то же самое происходит и с сексуальными преступлениями (изнасилование и др.)» [7, с. 9–26].

Исследуя наиболее дискуссионные вопросы судебной экспертологии в суде с участием присяжных заседателей, следует подчеркнуть немаловажное значение использования результатов криминалистических исследований крови государственными обвинителями и адвокатами-защитниками, а также толкование таких результатов перед лицом суда. Дискуссии относительно механизма образования следов крови — неизменный спутник судебных процессов по одной весьма интересной категории убийств, чаще всего встречающихся в практике суда присяжных.

1. Следы крови в рамках настоящей статьи рассматриваются в контексте механизма их образования и локализации на месте происшествия, что позволяет говорить о несостоятельности версий или обвинения, или защиты.

2. Следы крови приобретают важное доказательственное значение по делам об убийствах, сопряженных с причинением либо единичных ранений, сопровождающихся повреждением крупных кровеносных сосудов и артерий, либо множественных резаных или колото-резаных ранений. Высокая информативная ценность следов крови имеет место при расследовании преступлений, отличающихся общими групповыми характеристиками. К таковым относятся:

— совершение преступлений в условиях неочевидности, сопровождающихся либо полным отсутствием очевидцев происшедшего, либо наличием факторов, препятствующих полноценному восприятию обстоятельств преступления самими потерпевшими или свидетелями;

— ввиду отсутствия доказательств субъективного толка, доказательственная база по таким делам формируется за счет условно объективных данных — вещественных доказательств и экспертных заключений;

— сложности в расследовании таких уголовных дел нередко сопряжены с проблемами, сопровождающими воспроизведение обстоятельств преступления при помощи идеальной модели;

— вышеуказанный фактор негативно влияет на логическую задачу, стоящую перед субъектом доказывания, — выдвижение обоснованной версии;

— конструкция идеальной модели преступления по уголовным делам такого рода базируется на вероятных доказательствах, по-разному интерпретируемых и по-разному истолковываемых, в том числе и самими субъектами, их получившими;

— пробельность доказательственной базы позволяет заполнять ее любыми новыми фактами, основанными на иных фактах, собранных в период предварительного следствия.

3. Несмотря на относительную «простоту» и экономичность трасологических экспертиз, проводимых по крови, современная судебное-следственная практика изобилует примерами того, как органы, осуществляющие предварительное следствие, не уделяют должного внимания подобным исследованиям.

Осуществляемое нами изучение судебное-следственной практики по делам об убийствах позволяет выделить несколько пунктов, свидетельствующих о роли следов крови в судебном доказывании. Так, наличие или отсутствие следов крови позволяет определить место нахождения жертвы в момент убийства, сделать вывод о его возможных самостоятельных передвижениях или же действиях по перемещению потерпевшего виновным (например, установить факт волочения). На основе анализа данных мы пришли к выводу, что вопрос о нахождении преступника и жертвы в момент убийства, а также нахождении тела в месте его обнаружения ставится тогда, когда сторона защиты преследует цель противопоставить так называемые объективные доказательства субъективным. Это имеет место по делам об убийствах, силу главных доказательств в которых приобретают показания свидетелей или самих обвиняемых. Подобная ситуация явно просматривается в делах прошлых лет. Обвинительная база в подобных случаях базируется на основе данных, сообщенных третьими лицами, впоследствии признанных свидетелями. Вся тактика защиты сводится к доказыванию перед присяжными главного тезиса о том, что свидетель лжет, потому что представляемые им сведения противоречат показаниям по делу.

Так, при доказывании факта непричастности его подзащитного к аналогичному делу об убийстве, адвокат обратил внимание присяжных на противоречия в показаниях главного свидетеля — бывшей сожительницы подсудимого относительно места убийства и данных протокола осмотра места происшествия: «Согласно протоколу осмотра места происшествия, труп С. находится в комнате в положении лежа на спи-

не, а не в тамбуре. Следов волочения или смазанных пятен крови, ведущих из тамбура в комнату, обнаружено не было, что свидетельствует о том, что удары ножом убийца наносил где угодно, только не в тамбуре» [8].

Значение следов крови велико с точки зрения так называемых доказательств присутствия, когда кровь с места происшествия на обвиняемом или кровь обвиняемого на месте происшествия почти всегда обозначают его причастность к преступлению. В практике суда присяжных наличие бесспорных пятен крови (категорический экспертный вывод о принадлежности следов потерпевшему или обвиняемому) нередко является основанием для выдвижения альтернативных защитительных версий:

1. Обвиняемый не отрицает своего присутствия на месте преступления, однако ссылается на причастность к убийству других лиц. Иногда за выдвижением подобной версии следует иное «признание» обвиняемого в том, что он сам стал жертвой нападения, нередко сопровождающееся ходатайством о проведении освидетельствования с целью удостоверения соответствующих повреждений. Такая версия является главной в судебной стратегии защиты и коррелирует с выстраиваемой стороной защиты тактикой, что, в свою очередь, определяет вектор для тактики обвинения.

Главным пунктом в рассматриваемой тактике является перекладывание ответственности на иных лиц, которые либо не известны следствию (при одном подсудимом), либо также выступают обвиняемыми по данному делу (при вменении преступления в соучастии).

Так, в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей по делу об убийстве трех лиц, совершенном с применением топора, молотка, сапожного «башмака», государственным обвинителем в присутствии присяжных были оглашены материалы проведенных исследований, согласно которым в области лица, плеч и ног подсудимого Борисова были выявлены множественные точечные наложения вещества бурого цвета, похожего на кровь. Свою причастность к убийству подсудимый отрицал полностью. В частности, доводы Борисова сводились к следующему: преступление совершено его сыном в отсутствие его дома (сам подсудимый утверждал, что в период непосредственного совершения убийства находился в магазине); сам же Борисов, придя домой, сделал попытку оттащить сына от уже мертвых тел, но тот беспорядочно наносил по ним удары, поэтому брызги крови попали на Борисова-старшего. Версия подсудимого была тщательно исследована в суде с участием присяжных. По ходатайству обвинителя был вызван и допрошен в судебном заседании эксперт по вопросу механизма образования следов, а также оглашены выводы судебно-медицинских экспертиз трупов погибших. В итоге стороной обвинения были представлены следующие

противоречия, указывающие на ложность доводов Борисова-старшего:

1) допрос эксперта показал, что брызги могли попасть на лицо и одежду только в случае, если близко находится к предмету, от которого идут брызги, если только подсудимый сам не наносил погибшим удары;

2) согласно заключениям экспертов, все телесные повреждения являются прижизненными (а не помертвыми), что противоречит версии Борисова о том, что в момент убийства его не было дома, а когда он пришел, погибшие были уже мертвы [9].

Таким образом, государственный обвинитель достаточно профессионально с помощью косвенных улик доказал причастность Борисова-старшего к совершению тройного убийства, что позволило присяжным вынести справедливый вердикт.

2. Обвиняемый не отрицает своего присутствия на месте происшествия, объясняя наличие следов крови на своих вещах стремлением оказать первую помощь потерпевшему или же скрыть следы преступления, опасаясь возможного подозрения со стороны правоохранительных органов, вызванного знакомством с потерпевшим, совершением преступления при помощи орудия, до которого обвиняемый когда-либо дотрагивался или же совершение убийства в месте его жительства).

Нельзя не признать, что совершенствование института судебной экспертологии напрямую связано с таким явлением в судебном доказывании, как *активность защиты*, что является неременным условием развития состязательной экспертизы. Мы без преувеличения называем это явлением, к тому же крайне ограниченным по степени своего распространения, поскольку большая часть уголовных дел рассматривается сегодня в порядке особого производства (более 65%) и вообще не предполагает никакой процедуры по исследованию доказательств. В подобных условиях, и следует это признать, лишь небольшое число профессиональных защитников, специализирующихся в большей степени на участии в сложных делах, в том числе рассматриваемых судами с участием присяжных заседателей, обладают соответствующими познаниями в области судебной экспертизы, позволяющими им осуществлять эффективную защитительную деятельность. Необходимо отметить, что активность защиты как процессуальное явление невозможна без наличия ряда предпосылок, обусловленных:

а) идеей справедливого правосудия;

б) не только декларативным, но и фактическим равенством сторон в досудебном производстве, что должно неизбежно повлечь изменение действующего законодательства;

в) правовыми механизмами, обеспечивающими производство адвокатского расследования. Это может быть достижимо в случае признания адвоката

равноправным субъектом доказывания, включая закрепление за ним процессуального права на оценку доказательств;

г) фактическим, а не декларативным равенством сторон в судебном процессе, включая абсолютное право защиты на назначение и производство контрэкспертизы, основания для проведения которой должны быть четко обозначены в УПК РФ.

Активность защиты как собирательное понятие включает в себя два условия. Это, во-первых, равенство процессуальных возможностей сторон при работе с экспертными доказательствами.

Второе условие — участие защиты в проведении экспертизы. *В широком смысле под участием стороны защиты в проведении экспертизы понимается комплекс процессуальных действий, направленных на фактическую реализацию возможности, предоставленной стороне защиты, не только быть допущенной к обсуждению результатов экспертизы, но и осуществлять активные действия непосредственно в момент ее назначения и производства.* Понятно, что это происходит далеко не всегда. Тем не менее Европейский суд по правам человека, рассматривая жалобу «Cottin v. Belgium» (постановление от 02.06.2005), затрагивающую вопросы состязательности в процедурах производства экспертизы и проверке ее результатов в суде, заметил, что требование «состязательности» касается разбирательства перед лицом судьи. Статья 6 (речь идет о статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., закрепляющей право каждого на справедливое судебное разбирательство. — *Прим. авт.*) не дает сторонам абсолютного права всегда и в любых условиях участвовать в проведении экспертизы, назначенной судом, присутствовать при допросах, которые эксперт может проводить, и получать для ознакомления материалы, предоставленные эксперту на исследование. Для суда скорее важно, насколько процедура перед лицом судьи по проверке результатов экспертизы была «состязательной» [10, с. 426].

В настоящее время распространение в практике получила негативная поведенческая модель защиты, при которой адвокат и подсудимый делают ставку на все негативные обстоятельства, связанные с наличием или отсутствием следов крови на месте происшествия. Речь идет об их расположении, форме, соответствии данных, содержащихся в протоколе осмотра места происшествия, и тех, которые имеются в показаниях соучастников или свидетелей преступления. Изучение протоколов судебных заседаний показало, что государственные обвинители по-разному реагируют на указанную поведенческую модель стороны защиты, а нередко именно от предпринимаемых ими действий и зависит решение присяжных по делу.

Отметим, что следы крови, оставленные на месте происшествия, необходимо толковать. В практике расследования и судебного рассмотрения дел

об убийствах это вызывает дополнительные сложности, особенно в ситуации, когда их интерпретация может склонить присяжных заседателей в ту или иную сторону. Для следов крови это особенно актуально, так как, будучи жидкой субстанцией, кровь способна видоизменяться при высыхании. Нам встретилось одно уголовное дело, в ходе рассмотрения которого сторона защиты отстаивала версию о причастности к преступлению третьего неизвестного преступника. Выдвинуть подобное предположение адвокату «помогла» трасологическая экспертиза следов ног, окрашенных кровью, и оставленных предположительно одним из подсудимых. Обнаруженные следы имели значительно меньший размер, нежели обувь, носимая данным подсудимым. Для подтверждения этого факта адвокат представил присяжным военный билет его подзащитного. Устранить сомнения помог лишь допрос эксперта-трасолога, который объяснил, что следы крови при высыхании уменьшаются в размерах [11].

Интерпретация механизма образования следов крови в суде присяжных в каждом конкретном случае почти всегда сопряжена с активным отрицанием подсудимым своей причастности к преступлению. Тактика, избираемая в этом случае стороной защиты, преследует две цели: 1) формирование своей версии образования следов; 2) убеждение присяжных в низкой степени вероятности выводов, представленных обвинением.

Реализация перечисленных тактических задач обуславливается поведением защиты в ходе перекрестного допроса судебно-медицинского эксперта, изучившего механизм слеодообразования пятен крови. Чаще всего объектами подобного исследования в этом случае выступают одежда и обувь, изъятые у обвиняемого или обнаруженные на месте происшествия, но также предположительно принадлежащие ему. Успех описанной поведенческой тактики во многом предопределяется личностью эксперта и особенностями его поведения в ходе допроса в зале суда. Показателем объективности эксперта являются его ответы. В данной ситуации защитнику проще задать вопрос, в формулировке которого содержится его версия относительно обстоятельств слеодообразования, а затем повторить ранее озвученное предположение, не опровергнутое экспертом, уже во время другого этапа судебного разбирательства — судебных прений.

Изучение нескольких сотен уголовных дел, рассмотренных с участием суда присяжных, показало, что проблематика отражения следов преступления во внешней среде не требует наличия у народных судей сколько-нибудь серьезных познаний в этой области. Однако такие вопросы все же нуждаются в отдельных разъяснениях. В противном случае сторона, воздержавшаяся от подобных объяснений, может остаться в проигрыше. Данное правило действует

и в ситуации исследования в суде присяжных механизмов образования следов крови на местах преступлений. Известно, что время года (сезонность) и погодные условия (обстановка) оказывают серьезное влияние на указанный механизм отражения, создавая объективные предпосылки для слеодообразования, внося в данный механизм свои особенности. В этой связи государственному обвинителю следует заранее прогнозировать и предвидеть возможные доводы подсудимого, оглашаемые в суде, например ссылки на экспертное заключение, согласно которому на предметах, представленных на исследование (одежда, обувь обвиняемого), следы крови не обнаружены. Рассматриваемый вопрос вновь заставляет нас обратить внимание на уже упомянутые ранее процессуальные «фильтры» и обратиться к теме, посвященной исследованию в суде присяжных «шокирующих» доказательств.

К таким доказательствам можно отнести прилагаемые к протоколам осмотра наиболее шокирующие фотографии трупов (в стадии разложения, со следами повреждений), места совершения преступления (со следами этого преступления, например, кровью); некоторые орудия преступления; видео- и аудиозаписи; иные вещественные доказательства. «Шокирующие» доказательства могут оказать на «судей факта» негативное воздействие двоякого рода: 1) способство-

вать возникновению сильных отрицательных эмоций в отношении подсудимого, что может повлечь предубеждение присяжных в его виновности; 2) шокировать присяжных, вызвать стресс, потрясение у «судей факта», что негативно скажется на восприятии ими остальных доказательств по делу [12, с. 266].

Сегодня данный вопрос не стоит остро на повестке дня, как это было несколько лет назад, поскольку укоренившаяся практика предусматривает практически однозначный запрет на представление присяжным сведений, носящих для них заведомо шокирующий характер. Лишь в случае прямой относимости такого доказательства к установлению обстоятельств факта преступного деяния, необходимого присяжным для заполнения вопросного листа, может быть поднят вопрос о представлении таких фото или видеозображений коллегии. Мы полагаем, что для доказывания только лишь факта совершения преступления, т.е. для ответа на вопрос «доказано ли, что преступное деяние имело место?», подобная демонстрация действительно неуместна. Однако в случае, например, восприятия присяжными заседателями картины преступления такие действия становятся оправданными. При этом следует понимать, что речь идет о наблюдении фактов, действительно имеющих важное доказательственное значение и способных оказать влияние на решение присяжных заседателей.

Библиографический список

1. Теория уголовного процесса: состязательность / под ред. Н.А. Колоколова. — Ч. 1. — М., 2013.
2. Хорошева А.Е. Некоторые проблемы развития состязательной экспертизы в судебном доказывании по уголовным делам // Библиотека криминалиста. — 2017. — № 2.
3. Центров Е.Е. Конституция РФ и некоторые аспекты интеграции и дифференциации криминалистики и уголовного процесса // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. — 2013. — № 1 (7).
4. Справка о результатах работы судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда по рассмотрению уголовных дел краевой подсудности по первой инстанции в 2012 году // Архив Алтайского краевого суда.
5. Результаты рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей по составам преступлений по предъявленным обвинениям за 2015, 2016 гг. // Архив Алтайского краевого суда.
6. Основные оперативные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2013 г., 2014 г., 2015 г., 2016 г. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.cdep.ru> (Дата обращения 17.03.2017).
7. Александров А.С., Лапатников М.В., Терехин В.В. Этапы «большого пути» русского уголовно-процессуального права от полусостязательности — к инквизиции // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сб. материалов Всерос. заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 17–18 апреля 2014 г.). — Уфа, 2014.
8. Уголовное дело № 2-54/2011 // Архив Алтайского краевого суда.
9. Уголовное дело № 2-32/2008 // Архив Алтайского краевого суда.
10. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т.Г. Морщакковой. — М., 2012.
11. Уголовное дело № 2-15/2012 // Архив Санкт-Петербургского городского суда.
12. Насонов С.А. «Шокирующие» доказательства в суде присяжных и правило о несправедливом предубеждении // Государство и право на рубеже веков : материалы Всерос. конф. (Москва, 2–4 февраля 2000 г.). — М., 2001.